

М.В. Шишкин, д-р экон. наук, профессор,
О.Н. Мисько, д-р экон. наук, доцент¹,
г. Санкт-Петербург

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ XXI ВЕКА

В статье исследуются основные подходы к проблемам истории экономических учений и к экономической истории в современной науке. Авторы определяют круг нерешенных в этих дисциплинах проблем и намечают пути их решения.

Ключевые слова: история экономических учений, история экономики, экономическая история, предмет, метод науки, методология исследования, историко-институциональный анализ.

Как известно, историко-экономическая наука, являющаяся составной частью экономической теории, распадается на два основных направления – историю экономических учений и экономическую историю. Они имеют различный объект исследования, соответственно отличаются предметом и методом анализа. Целью данной статьи является определение некоторых фундаментальных проблем в развитии обоих этих направлений.

Первоначально остановимся на современном понимании предмета и метода исследования и основных проблемах истории экономических учений. Понимание предмета этой отрасли экономического знания практически одинаково для всех исследователей на протяжении достаточно большого периода времени. «Предмет истории экономических учений – исторический процесс возникновения, развития, борьбы и смены

систем экономических взглядов основных классов в различных общественно-экономических формациях» [1, с. 3]. Хотя приведенному определению исполнилось уже тридцать лет, и оно дается в книге, носящей сугубо марксистский характер, но оно может быть использовано и применено в любом современном исследовании. Спорным здесь является лишь термин «общественно-экономическая формация». Подобный подход можно встретить в классических трудах по истории экономической мысли видных представителей мировой историко-экономической науки Э. Ролла и М. Блауга.

В отличие от истории естественных наук, носящей сугубо прикладной характер, история экономических учений является самостоятельной отраслью экономического знания. Это связано с тем, что естественно-научные открытия носят абсолютный характер и входят в систему современного знания вне зависимости от времени их появления. Развитие науки не отрицает предыдущих открытий, а делает их частным случаем более широкого понимания природы. Иное положение сложилось в экономической науке. Большинство законов экономики имеют исторический характер – при смене общественной системы меняются ее законы. Существующие уни-

¹ *Шишкин Михаил Владиславович* – доктор экономических наук, профессор кафедры истории экономики и экономической мысли Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: echist@econ.spb.ru.

Мисько Олег Николаевич – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры истории экономики и экономической мысли Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: o.misko@econ.spb.ru.

версальные законы модифицируются под влиянием общественного развития. Отсюда вытекает, что невозможно создать единую универсальную теорию, объясняющую экономическую жизнь на всем протяжении ее истории.

История экономических учений как наука имеет довольно давние традиции. Еще в великой работе А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» целые разделы были посвящены изучению истории науки. В 1826 г. появилось первое специальное исследование по истории экономической науки – работа известного английского экономиста Дж. Мак-Куллоха «Исторический обзор развития науки политическая экономия». В последующие годы на протяжении почти что двухсот лет было написано множество работ, посвященных проблематике истории экономической мысли.

Все эти работы, несмотря на различия в подходах их авторов, можно разделить на две группы.

В первую группу входят работы, посвященные исследованию трудов того или иного представителя экономической науки предыдущих периодов времени. Это своеобразные научные биографии, призванные дать современным ученым адекватное представление об их предшественниках. Подобные разработки важны с нескольких точек зрения.

Во-первых, они дают представления о тенденциях развития экономической науки.

Во-вторых, у современного исследователя появляется картина состояния изучаемой им проблемы в предшествующие эпохи и тем самым удается избежать повторных открытий, изобретений «велосипедов».

В-третьих, в научный оборот вводятся новые, ранее неизвестные или малоизвестные имена, дополняя и расширяя картину прошлого.

В-четвертых, в целом ряде случаев подобные исследования выполняют функцию патриотического воспитания, т.к. позволя-

ют более весомо оценить вклад национальной науки в мировую теорию.

В-пятых, такие разработки имеют определенную практическую направленность – они могут быть с успехом применены при преподавании ряда экономических курсов и, прежде всего, истории экономических учений.

Назовем это направление конкретным историко-экономическим анализом. Он был популярен практически на всем протяжении развития истории экономических учений. В нашей стране конкретный историко-экономический анализ получил особое развитие в последнее двадцатилетие. Этому можно дать множество объяснений, связанных как с объективными, так и субъективными причинами.

Объективные причины.

Во-первых, отход от диктата марксизма потребовал переоценки многих теорий дореволюционного или советского прошлого. Ряд авторов немарксистского направления, игнорируемых или даже запрещенных в советский период, получил особую популярность в настоящее время. Так, можно наблюдать определенный бум научных публикаций и диссертационных исследований, посвященных М.Б. Туган-Барановскому, Н.Д. Кондратьеву и ряду других крупных отечественных ученых. При этом прослеживается любопытная закономерность – переоценка происходила постепенно. Если в период перестройки основные работы изучали творчество Бухарина, Каменева и других ранее запрещенных и репрессированных коммунистических деятелей, то после 1991 г. основной вал научных исследований пришелся на дореволюционный период. При этом немарксистские авторы стали превозноситься как истинно научные. Одновременно с ренессансом дореволюционной российской экономической мысли стали переоцениваться работы многих западных экономистов. Зачастую их сравнение с теорией К. Маркса приобрело характер критики марксизма. Огромное

позитивное значение для развития отечественной науки имел перевод на русский язык и публикация произведений мировых корифеев экономической мысли.

Во-вторых, произошел определенное смещение научных интересов от развития собственно фундаментальной экономической теории к историко-экономическому анализу. Российская наука до сегодняшнего дня не выработала собственную парадигму экономических знаний, поэтому анализ прошлого в определенной степени (для отдельных исследователей) компенсирует непонимание настоящего. Кроме этого, зачастую подобные исследования имеют привлекательность с точки зрения оформления их в качестве диссертационных работ.

Само по себе развитие конкретного историко-экономического анализа не только не вызывает возражений, но напротив, должно приветствоваться. Единственным условием должна быть мера, правильное соотношение между изучением прошлого и настоящего.

В современном конкретном историко-экономическом анализе прослеживаются определенные проблемы.

Прежде всего, нетрудно заметить, что анализ большинства исследований ограничивается весьма небольшим и достаточно традиционным кругом исторических имен. Это можно проследить как в отечественной, так и зарубежной историографии. В этом отношении более благоприятные позиции имеются у исследователей, занимающихся историей отечественной экономической науки. В силу выше названных причин, многие периоды истории экономической мысли XIX–XX столетий исследовались необъективно, в них или игнорировалась или искажалась роль авторов, не принадлежавших к официальному марксизму или не причисленных к кругу революционеров и демократов/

Кроме этого, существует еще одна и, как представляется, более серьезная пробле-

ма. Конкретный историко-экономический анализ неизбежно носит фрагментарный характер. При анализе взглядов отдельного ученого можно получить достаточно полную картину о нем и его теории, но при этом обедняются связи этого ученого с остальным научным миром. В результате этого может быть потеряна единая логика развития науки. Для преодоления этого недостатка необходимо проводить анализ на уровне развития целостной историко-экономической науки.

Во вторую группу входят менее многочисленные исследования по истории экономических учений, посвященные изучению законов функционирования и развития самой историко-экономической науки. Как в свое время отметил известный советский ученый Вл.С. Афанасьев, «не история теорий, а теория истории, именно теория развития буржуазной политической экономии – так понимал предмет своего исследования и свою задачу автор» [2, с. 8]. В данном высказывании принципиальное значение имеет идея о том, что работа посвящена исторической науке, а не истории теории.

С этой точки зрения существуют несколько основных проблем, вокруг которых осуществляется развитие истории экономических учений как самостоятельной науки.

Во-первых, возникает проблема отбора анализируемых теорий. За несколько столетий своего развития экономическая наука создала множество концепций, затрагивающих все стороны экономической жизни. Практически любой ученый пытался оставить свой след в науке, предлагая ту или иную концепцию. Однако исследовать весь накопившийся материал невозможно, да и не нужно. Дело в том, что многие работы носили вторичный, эпигонский характер. Огромный ряд публикаций вообще не оказал никакого воздействия на дальнейший ход развития науки. Отсюда следует, что необходимо тщательно отбирать сам объект изучения – экономические концепции предшествующих периодов времени.

С точки зрения методологического аппарата исследования этой цели служит метод научной абстракции. Он, применительно к истории экономических учений, состоит в том, что отбрасываются не важные, нехарактерные теории, не оказавшие существенного влияния на дальнейший ход развития науки, и изучаются наиболее репрезентативные для каждой эпохи концепции. На первый взгляд, подобный способ отсева теорий не вызывает никаких вопросов. Однако в реальности встает проблема выбора критериев, по которым теория признается научной и существенной для дальнейшего развития науки.

В применении метода научной абстракции историками экономической мысли нетрудно заметить огромную долю субъективизма. Прежде всего, субъективизм связан с классово-политической позицией автора. В советское время все немарксистские теории объявлялись ненаучными и изучались или как предшественники марксизма (в этом случае признавалась определенная доля научности) или как враги марксизма (там научности быть не могло). Кроме этого, субъективизм возникает из-за приверженности ученого той или иной научной экономической школе. Совершенно по-разному изучают и оценивают историю неоклассики и кейнсианцы, институционалисты и монетаристы. Наконец, во многих исследованиях субъективизм порождается знанием ученым тех или иных прошлых теорий. Во многих специальных исследованиях наблюдается перечень одних и тех же имен, причем далеко не всегда они являются действительно приоритетными в той или иной области.

Во-вторых, существует *проблема периодизации* истории экономической мысли.

В советской экономической школе господствовал подход, согласно которому этапы развития экономической теории в основном совпадали с этапами развития социально-экономических формаций. Это следовало из методологии марксизма, согласно которой «материальные условия

жизни общества являются той реальной основой, которая, в конечном счете, определяет характер общественных идей и воззрений» [1, с. 3].

В соответствие с подобной методологией в историко-экономической литературе выделялись периоды экономической мысли рабовладения, феодализма, капитализма и социализма. Данный подход имел определенные преимущества. Теория на самом деле соотносится с уровнем развития общества. Это ярко прослеживается в изменении объекта исследования. Так, Аристотель, несмотря на всю свою гениальность, не мог создать теорию фьючерса, так как в Древней Греции не было рынка ценных бумаг. Однако чисто формационный подход давал излишне грубую схему периодизации – он не объяснял, почему в рамках одной и той же формации появляются совершенно различные теории. Поэтому в дальнейшем своем развитии марксистская историко-экономическая наука дополнила формационную схему периодизации по крайней мере одной важной новацией.

Теории стали соотноситься с различными этапами развития самой формации. Так, в советской научной литературе выделялся меркантилизм как теория, соответствующая эпохе первоначального накопления капитала. Классическая школа политэкономии относилась к периоду прогрессивного развивающегося промышленного капитализма. Дальнейшая немарксистская теория объявлялась вульгарной и неправильной, так как она соответствовала развитому капитализму и империализму и была призвана скрывать его противоречия.

Однако подобная схема далеко не всегда была в состоянии объяснить закономерности в развитии экономической науки. Зачастую принципиально новые теории появлялись не на рубеже смен формаций, а внутри периода, когда качественных скачков в общественном развитии не происходило. Действительно, в рамках подобной периодизации явно не вписывались такие новые

для своего времени теории, как маржинализм или немецкая историческая школа. Пытаясь добиться соответствия марксистского материалистического подхода реалиям истории, ряд марксистских ученых уточнили принципы периодизации, введя в них исторические особенности той или иной страны или того или иного периода времени. Схема стала более правдоподобна, но в известной степени отошла от ортодоксального исторического материализма.

Альтернативный историко-материалистическому подходу вариант периодизации истории экономической теории, был предложен рядом западных авторов. Как отмечал Вл.С. Афанасьев, «модель развития буржуазной политической экономии представляется буржуазному сознанию как периодическая смена «революций» и кризисов. Наряду с «кейнсианской революцией» и «революцией Чемберлина» 30-х гг. западная экономическая литература выделяет «революции» В. Леонтьева, П. Сраффы, Хикса – Аллена, «революции», связанные с разработкой теорий «общего экономического равновесия», «человеческого капитала» и т. п.» [3, с. 12].

Таким образом, критерием периодизации стал не этап развития экономики, а изменения характера самой теории. Научная революция включает в себя трансформацию предмета анализа, методологии исследования и характера основных концепций выводов из них. Далеко не всегда все эти три стороны революции реализуются одновременно. Зачастую объект и предмет анализа сохраняются, но появляется принципиально новая методология, иногда революция ограничивается возникновением новых теоретических концепций, хотя методология и остается прежней.

Представляется, что периодизация, построенная по критерию качественного изменения самой экономической теории, способна более точно и адекватно определить основные этапы развития науки. Однако и здесь возникают определенные проблемы.

1. Само понятие «научная революция» является достаточно расплывчатым и отдаленным на усмотрение историка. Безусловно, есть некоторые поворотные точки в истории экономической мысли, признаваемые практически всеми исследователями, даже если они стоят на противоположных научных позициях. В любом труде по истории экономической мысли выделяются такие направления, как классическая школа политэкономии, неоклассика, маржинализм, кейнсианство, институционализм и ряд других. При этом оценка и трактовка той или иной научной школы, определение времени ее создания и основоположника, членов школы, могут существенно отличаться у разных ученых, но подобная периодизация присутствует у практически всех исследователей.

2. В целом ряде случаев весьма спорным является оценка вклада ученого, как научного революционера. Далеко не всегда речь идет о действительной научной революции. Зачастую под влиянием идеологических причин тот или иной политический деятель объявляется своими сторонниками как великий ученый, создавший новое направление в науке. Однако по истечению определенного времени научные заслуги этого деятеля становятся в глазах потомков малозначительными.

3. Определенные проблемы в периодизации, исходящей из критерия научных революций связаны с тем, что эти революции могут происходить практически одновременно. Так, «коузианская революция», начавшаяся в 1938 г. совпадает по времени с «кейнсианской революцией» 1936 г. Это связано с особенностью экономической теории, для которой характерен научный плюрализм и одновременное существование различных научных школ. Поэтому определить период однозначно становится зачастую невозможным.

Из вышесказанного следует, что существующие в настоящее время подходы к периодизации истории экономических

учений имеют достаточно серьезные недостатки. Ни периодизации по критерию общественно-экономической формации, ни цивилизационный подход, ни подход, связанный с научными революциями не в состоянии адекватно построить схемы этапов развития науки. Таким образом, существует определенная научная потребность для формирования современной концепции периодизации. Как представляется, эта современная концепция должна носить синтетически характер, объединяя все предыдущие подходы.

В-третьих, актуальной проблемой историко-экономической науки является *проблема совершенствования существующей классификации* истории экономических учений. В чем-то эта проблема похожа на проблему периодизации. Однако в случае классификации теорию соотносят не с определенным периодом времени, а с тем или иным научным направлением или школой.

В советской исторической науке существовала достаточно логичная, хотя и не бесспорная схема классификации истории экономических учений, основанная на принципах материалистической диалектики. В ее основе лежало несколько взаимосвязанных (с марксистской точки зрения) критериев.

1. Господствовал классовый подход, согласно которому каждая теория отражала интересы того или иного класса. Безусловно, этот принцип прежде всего относился к фундаментальной экономической теории. Прикладные концепции, носящие в основном технический характер (например, экономико-математические или статистические исследования), могли использоваться в различных с точки зрения классовых интересов направлениях науки. С этой точки зрения, марксистская историко-экономическая наука выделяла пролетарские, буржуазные, мелкобуржуазные теории и концепции, отражающие классовые интересы землевладельцев (например, теории

Т. Мальтуса). Однако подобная классификация носила чрезмерно общий характер – в одну и ту же группировку попадали теории, существенно отличающиеся друг от друга. Так, буржуазной объявлялась как классическая политическая экономия, так и современные «вульгарные» с точки зрения марксистов концепции, например, кейнсианство или монетаризм. Поэтому появилась необходимость дальнейшей детализации схемы.

2. Внутри того или иного классового направления марксисты подразделяли теории, отражающие интересы различных слоев класса. Например, анализировались концепции мелкой, средней и крупной буржуазии. Правда, при этом отрицалась возможность создания собственных концепций социальными слоями, не относящимися к марксистскому разделению общества, например, интеллигенцией, менеджерами или чиновниками. Однако и подобная уточненная классификация не отражала реальной картины истории экономических учений. Поэтому ее дополнили еще одним критерием.

3. Этим третьим критерием стало отнесение теории с определенной научной школой. Так, в исторической картине экономической теории XX в. выделялись в рамках буржуазного подхода кейнсианство, неоклассика, институционализм, монетаризм. Как отмечалось в одной из марксистских историко-экономических работ, «эта дифференциация означая подрыв старой системы, в то же время свидетельствует о поисках теоретического обоснования новых форм и принципов взаимодействия государства и монополий, т. е. все той же смешанной экономики» [4, с. 5]. Классификация по критерию отнесения теории к научным школам представляется полностью оправданной, однако она носит несколько поверхностный характер, так как не отвечает на вопрос, почему возникают те или иные школы, отражающие одинаковые классовые интересы.

4. Марксистская классификация, по мнению ее сторонников, основывалась на принципах историзма. «Чтобы правильно судить о том или ином течении экономической мысли, надо учитывать исторические условия его возникновения, развития, распространения и упадка». [5, с. 12]. Принцип историзма позволял классифицировать теорию как прогрессивную, реакционную или консервативную, причем критерием подобной классификации было то, насколько теорию способствует или препятствует общественному прогрессу.

Надуманность и абстрактность подобного подхода очевидна по нескольким причинам:

- сторонники подобных идей, прежде всего, явно преувеличивают влияние экономической теории на общественную жизнь. Фактически они абсолютизируют ситуацию тоталитарных режимов, когда господствующая теория становится частью идеологии и непосредственно применяется в экономической политике. В демократическом обществе подобное влияние тоже имеется, но оно гораздо слабее, завуалированное и проявляется прежде всего в политической борьбе;
- само определение общественного прогресса носит многообразный характер и зависит от мнения авторов концепции;
- возможности социального прогнозирования ограничены, в особенности на долговременном интервале. Зачастую будущее видится авторам прогноза таким, каким она является для них желательным или, наоборот, они вкладывают в прогноз свои реальные страхи опасения.

В отличие от марксистских исследователей истории экономической мысли, большинство западных экономистов в качестве критерия классификации истории экономической науки используют научные

особенности того или иного направления теории. С абстрактно-теоретической точки зрения подобный подход не вызывает никаких возражений. «Развитие системы научных принципов, на которых базируется теория, – типичное явление для всей истории экономической мысли. Этот процесс отражает этапы становления самой теории и вместе с тем развитие тех или иных научных школ» [5, с. 6].

Однако с практической точки зрения в подобном подходе проявляются определенные проблемы. В частности, дискуссионным является вопрос, что включать в число научных особенностей того или иного направления экономической мысли. Мировая практика демонстрирует существование нескольких подходов к этой проблеме.

С одной стороны, теории делятся с точки зрения объекта и, соответственно, предмета исследования. Так, на протяжении всего существования экономической теории важное место занимали исследования ценности товара, распределения доходов, воспроизводства и ряд других. Безусловно, такой способ классификации экономической теории имеет ряд преимуществ, так как дает комплексное представление о том или ином экономическом явлении и о тенденциях его развития. Однако при данном подходе не возникает целостной картины истории экономической мысли и становится не вполне ясным, почему происходит переход от одного этапа развития к другому.

С другой стороны, ряд историков подразделяют экономическую теорию по методологическим направлениям, акцентируя внимание на те или иные особенности системы методов. С этой точки зрения можно говорить о математической школе, психологическом направлении и т. п. Однако в подобном способе классификации также прослеживаются существенные недостатки. Однообразной методологией могут пользоваться (и пользуются) совершенно разнородные с научной точки зрения исследователи. Наиболее ярко это проявляется

при использовании математического метода, который носит универсальный характер и применяется к разному объекту исследования учеными, имеющими различные социальные установки.

Таким образом, классификация по научным особенностям того или иного направления экономической теории требует комплексного подхода и нуждается в уточнении критериев.

В-четвертых, с проблемой классификации истории экономической мысли тесно связана и переплетается *проблема научной верификации* полученной схемы [7, с. 22–28]. Историко-экономическая наука существенно отличается с этой точки зрения от естественных наук. В последних «верховным судьей», выносящим приговор истинности теории, является опыт. В историко-экономическом анализе истина относительна, здесь процесс познания, по мнению Дж.С. Милля, проходит три этапа – теологический, метафизический и позитивный [8, с. 365]. Если на первых двух этапах происходит поиск абсолютной истины, то на третьем приходит понимание относительности научных построений, касающихся общества. Представляется, что современная история экономических учений перешла к третьему этапу.

Понимания относительности и переходящего характера экономической теории, позволяет правильно оценить те или иные концепции прошлого. Их ни в коем случае нельзя тестировать на соответствие современной экономической жизни, так как сам характер экономики меняется во времени.

Отсюда следует, что вполне справедливый по отношению к естественным наукам методологический прием, состоящий в ссылке на предыдущие исследования, ограниченно применим к нашей науке. Безусловно, относительность истины в экономической теории в свою очередь относительна. Существует целый ряд универсальных явлений и закономерностей, существующих на всем протяжении развития цивилизации.

Однако и они модифицируются не только во времени, но и в пространстве, приобретая национальную специфику.

Исходя из этого, становится ясным, что верификация исторической схемы экономической теории должна опираться на принцип: верна та теория, которая наиболее адекватно анализировала свой этап развития экономики и свою экономическую проблему. Однако в реальной жизни, несмотря на кажущуюся простоту и прозрачность данного принципа, его применения наталкивается на определенные преграды.

Прежде всего, это позиция самого историка, который вольно или невольно попадает под влияния того или иного направления экономической мысли и начинает преувеличивать его роль. Уже отмечалась подобная позиция у марксистов, но она встречается и у альтернативных авторов. Историк, стоящий на неклассических позициях, видит в прошлом в основном развитие этого направления, институционалист – развитие институционализма и т. п. Ярким примером этого является сравнение классических трудов XX в. по истории экономической мысли, при надлежащих перу таких выдающихся исследователей, как Й. Шумпетер, Б. Селигмен, Э. Ролл и М. Блауг. Преодоление подобной одномерности – важнейшая задача современной истории экономических учений.

Несколько иные, хотя и во многом схожие проблемы стоят перед современной экономической историей.

Экономическая история в системе экономических наук занимает особое место. Если абсолютное большинство экономических дисциплин носят (или должны нести) практический характер, их достижения и разработки могут напрямую быть использованы в народном хозяйстве, в управлении национальной экономикой и т. д., то экономическая история непосредственно этой функции не несет. Она представляет собой огромное информационное пространство, в котором анализируются и обобщаются

исторические факты экономической действительности прошлых периодов.

В этой связи хотелось бы отметить то, что интерес к экономической истории никогда не утрачивался; наоборот, в периоды потрясений, кризисов, переломов в развитии мировой, региональной, национальной и т. д. экономик он испытывал определенный подъем. Именно в истории люди пытались найти ответы на вопросы о том, каким образом решались проблемы экономического развития общества в прошлом, было ли уже что-то похожее, и если было, то каким образом можно применить прошлый опыт к современному состоянию экономической действительности.

Казалось бы логичным предположить, что история экономики возникла в результате последовательной специализации историков более широкого профиля. Например, как ответвление от истории отдельно взятых государств или их совокупностей. Однако фактически экономическая история вошла в систему гуманитарных наук и заняла в ней свое место несколько иным путем.

Многие исследователи считают, что строить новый общественный строй на старом устоявшемся фундаменте гораздо надежнее и дешевле, чем создавать и использовать принципиально новые формы экономического бытия. Исторический опыт не только позволяет совершать модификацию надежнее и дешевле, но и ведет к тому, что можно избежать катастрофических ошибок в определении тенденций развития государства и общества. «Экономист высшей пробы...должен изучать настоящее в свете прошлого во имя будущего». [9, с. 11–12]. На наш взгляд, этим сказано многое, если не все, относительно значимости экономической истории для науки в целом.

Экономическая история. Как и история экономических учений, экономическая история имеет целый ряд нерешенных проблем. Прежде всего, практически не решен окончательно (да и вряд ли будет решен когда-либо) вопрос о том, чего больше в

экономической истории – собственно истории или экономики. Историческая наука претендует на свое первенство в исследовании этой стороны существования человеческого общества, экономическая наука, используя в качестве одного из основных методов научного познания исторический метод тем не менее заявляет о безусловном приоритете экономических отношений в системе парадигм экономической истории. Не претендуя на истину в последней инстанции, хочется подчеркнуть, что второй подход является, на наш взгляд, более логичным и объективным с точки зрения методологии исследования, применяющейся в экономической истории.

Экономическая история действительно относится к тем экономическим дисциплинам, которые имеют скорее общеобразовательный, может быть, в чем-то пропедевтический, характер, однако наличие в ней практической, прикладной составляющей ни в коем случае не должно игнорироваться.

Экономическую историю породили не исторические, а экономические науки, а точнее, политическая экономия. Именно продолжатели исследований Монкретьена и Смита, Рикардо и Маркса пришли во второй половине XIX в. к выводу, что, несмотря на всю глубину разработки предмета их исследований, за пределами политэкономии остается мощный пласт информации, заслуживающий специального исследования – исторические факты экономической жизни. Их анализ требовал несколько иных методов исследования, чем фундаментальная политическая экономия, с акцентом на изучение иных сторон объекта.

В широком смысле, области исследования политической экономии (экономической теории) и экономической истории пересекаются на одних и тех же объектах. Это люди и их труд, способы организации и осуществления хозяйственной деятельности, изменяющиеся по ходу истории.

Конкретизируя свое видение предмета в своей системе категорий (например, произ-

водительные силы и производственные отношения), политэкономы нацеливались на выведение наиболее обобщенных, «химически чистых» умозаключений. Для этого они сознательно абстрагировались от частных форм, в которых могла являться единая философская сущность экономических процессов.

Своих целей политэкономы в определенном смысле добились. На пике своего развития политическая экономия представляла собой науку, выводы которой были универсальными применительно к любому отдельно взятому экономическому сообществу, к любой исторической эпохе. Вместе с тем, утверждая, что нет политической экономии для отдельной взятой страны, вплоть до Огненной Земли, политэкономы не отрицали национальной специфики протекания экономических процессов. Но это вопрос был оставлен за рамками классических исследований. Специальные разработки этих вопросов были оставлены другим экономическим школам. Первой среди них была *немецкая историческая школа*.

Таким образом, хотя экономическая история и политическая экономия (с другими экономико-теоретическими науками) формально и «делят» между собой один и тот же объект, исследуя его разными способами, противоречия между обеими группами родственных дисциплин нет. Находя различия между протеканием одних и тех же экономических процессов в разных странах, экономисты-историки не опровергают своих коллег, выводящих «универсальные» экономические законы, а лишь обогащают общее знание исследованиями национальной специфики реализации этих законов.

Говоря, что экономическая история родилась и развивается *на стыке* с общей историей, науковеды имеют в виду, что обе науки используют один и тот же исторический материал. Так, летописи являются типичным примером письменного источника, используемым и экономической, и общей историей. Знания о дописьменном периоде

ученые обоих направлений пополняют и материалами археологии.

Сегодня экономическая история представляет собой самостоятельную науку, со своим предметом и набором методов. В настоящее время существуют два основных понятия, выражающих суть предмета науки экономической истории:

- *экономическая история* различных стран, регионов, мира в целом, где объектом изучения является экономические причинно-следственные связи развития событий в мировой истории;
- *история экономики (народного хозяйства)*, где объектами изучения являются эволюция различных способов производства, хозяйственных механизмов, отдельных отраслей экономики или экономических процессов, а также экономических институтов.

На наш взгляд, ничего противоречивого или взаимоисключающего в этих двух подходах нет. Речь идет лишь о понимании предмета в широком (первом) или узком (втором) смыслах. Требуется уточнения лишь следующий аспект: чего больше в экономической истории: собственно истории или все же экономики? И, соответственно, кто должен ей заниматься в большей степени: историки или экономисты? Мы считаем, что в первом случае пальма первенства принадлежит, безусловно, экономистам, так как для правильного определения историко-экономического тренда эволюции человеческого общества, а также его причинно-следственных связей необходимо знание экономических законов его развития, т. е. экономической теории во всей ее ретроспективе – истории экономических учений.

Во втором случае исследования могут проводить и профессиональные историки, используя методы, характерные для традиционной истории (например, историко-генетический, -сравнительный, -типологи-

ческий, -системный, исторической периодизации, ретроспективный и т. д.). Однако эти исследования носят в конечном итоге действительно прикладной характер и служат фактологической основой для экономической истории.

Таким образом, предметом экономической истории, в широком смысле является хозяйственная деятельность народов разных стран, изучаемая в хронологической последовательности процессов появления, развития, упадка, кризиса и смены различных социально-экономических систем. В учебных и других прикладных целях предмет может сужаться до истории экономики (народного хозяйства) отдельно взятых стран и их групп.

Основными *методами исследования* экономической истории являются анализ, синтез, дедукция, индукция; специфическими – сравнительный, описательный, генетический методы. *Исторический анализ* фокусируется на реальных событиях мировой истории, а *логический анализ* выявляет логику и закономерности исторического процесса, реконструируя причинно-следственные связи, воздействовавшие на ход его развития.

Уже основоположник немецкой исторической школы В. Рошер ставил исторический метод своей науки на основу компаративизма, призывая сравнивать протекание экономических процессов у разных народов. В дальнейшем, уже за пределами этой научной школы, был подтвержден вывод о неизбежной неравномерности развития разных стран, которой противодействуют нивелирующие контртенденции.

Набор *вспомогательных методов* экономической истории чрезвычайно широк. Назовем хронологический, социально-психологический, историко-институциональный, математико-стохастический и др. Обращения к этим методам могут потребовать задачи конкретных исследований. «Техника» применения этих специальных методов обычно заимствуется из наук, где эти мето-

ды выступают как основные (социология, статистика и пр.)

Популярно-познавательные цели историков экономики – ознакомить интересующихся с историческими событиями, в русле которых формировалась и изменялась экономическая жизнь человечества. Но главный участок их работы – академические исследования. Уже с конца XIX в. экономическая история преподается в ведущих европейских университетах как самостоятельный предмет.

«В одну воду не входят дважды». И все же, знания о том, когда, как и с каким успехом осуществлялись, к примеру, те или иные реформы; что именно обеспечивало подъемы и что вызывало кризисы в мировой экономике и ее социально-экономических подсистемах не бесполезны. Эрудиция в области экономической истории не самоцель. Сам процесс изучения этого материала способствует выработке навыков составления оценочных суждений, сравнительного анализа. В конечном счете, изучение экономической истории позволяет избежать повторения ошибок прошлого.

Изучать яркие экономические достижения цивилизаций и стран, вышедших в разные времена, в число мировых лидеров столь же полезно, как и разбираться в случайностях и закономерностях катастрофического хода развития, который рано или поздно прерывает историческое бытие великих и малых держав. Материалы к теориям, обобщающим закономерности эволюционных и революционных процессов, были изначально собраны и систематизированы как раз в рамках экономической истории.

Категориальный аппарат – существенный момент любого научного изложения. Ведь разные научные школы могут присваивать разные научные определения одним и те же «простым» на вид терминам (например, экономика, деньги). Чтобы не нарушать цельность текста отступлениями дискуссионного плана, мы постараемся ис-

пользовать термины с минимальной степенью неоднозначности. Методологическую оговорку сделаем лишь относительно главного предмета – экономики.

В оригинальном виде, на немецком языке, предмет историко-экономической науки был определен в XIX в. словом *Volkswirtschaft*. Тогда же его перевели на русский язык словосочетанием *народное хозяйство*. Заблуждения, что этот термин якобы сугубо «социалистический», рассеиваются, стоит лишь заглянуть в русскую дореволюционную литературу.

Равным образом и современные ученые Германии продолжают изучать *Volkswirtschaft* разных стран, не соотнося его с конкретными социально-экономическими формациями. Применительно к нашей науке для них это особенно удобно: хозяйствующим субъектом предполагается некий народ (*Volk*), который может и не иметь квазигосударственные институты, наличие которых предполагает категория «экономика».

В отличие от политической экономии, экономическая история не постулирует строгих количественных законов и не оперирует уравнениями, подобно экономической теории. Ее материал помогает уяснить общие тенденции, выявить общую динамику и увидеть за различными вариантами развития нечто общее, объединяющее, – понять суть этих явлений. Структура современной экономической истории как науки должна сочетать пространственный и временной аспекты, что способствует оптимальному решению этой задачи.

По «оси времени» структура экономической истории ориентируется на традиционное сегментирование общей истории нашей цивилизации. *Древность* – от появления первых следов хозяйственной деятельности человека и до падения Древнего Рима в 476 г. н. э. – охватывает как дописьменный (доисторический) период, так и первые тысячелетия документированной истории. *Средневековьем* историки назвали следую-

щий, примерно 1000-летний этап; его также ассоциируют с феодализмом.

Великие географические открытия XV в. открыли следующую эпоху – *Новое время*, с которым пришли качественные изменения в экономике и новый тип экономических отношений (капиталистический). Началом *Новейшего времени* условно полагают вторую половину 1910-х гг. Иногда называют 1914 г. началом Первой мировой войны, хотя, по аналогии с 476 г., зафиксировавшим падение Древнего Рима, более корректно говорить о 1917–1918 гг., когда прекратили свое существование три крупнейшие империи (Австро-Венгрия, Германия, Россия) вместе с их пережиточными типами монархического государственного устройства.

Социально-классовая стратификация общества на разных этапах его развития – предмет специальных экономических и социальных наук. Экономическая история затрагивает «человеческий фактор» лишь отчасти в силу того, что человек выступает:

- как создатель экономических благ, в силу своей способности к труду;
- как потребитель этих благ, являющихся условием его физического существования.

К процессу создания благ человек может иметь как прямое (работник), так и косвенное отношение (управляющий, хозяин). Экономическая история мира дала массу примеров различной «архитектуры» народных хозяйств, базирующихся на разном распределении ролей и вытекающих из этого отношений между людьми по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. В основе типологии основных «образцов» таких экономик лежит ответ на вопрос: на долю какого класса или обширной социальной прослойки падает основное бремя производства этих благ, и на каких правовых основах осуществляется управление этим процессом со стороны других социальных групп данного общества?

Можно рассмотреть эту проблему на примере анализа категорий внеэкономического и экономического принуждения к труду. Раб и крепостной – труженики, личная несвобода которых проявляется в невозможности сменить по своему желанию работодателей. При этом последние могут перепродавать рабов (крепостных) друг другу, как и любой другой товар, собственниками которого они являются. В отличие от них, свободный труженик распоряжается своей способностью к труду самостоятельно, с поправкой на то, что работодатель имеет возможность лишить его самой возможности заработка – в пределах, заданных степенью социальной ориентированности того или иного политического режима. В некоторых странах право на труд (и, соответственно, гарантии занятости) были закреплены в конституциях.

Применительно к каждой конкретной экономике эти процессы проявляются во множестве переходных и смешанных форм, порождая различные локальные их разновидности. И хотя общая тенденция развития цивилизации – постепенная замена внеэкономических форм принуждения экономическими, на практике здесь могут наблюдаться и периоды возврата к более архаическим формам, вплоть до новейших форм рабовладения.

Таким образом, экономическая история позволяет проводить анализ эволюционных процессов, происходящих в человеческом социуме; делать своевременные выводы о зastoе, регрессе или прогрессе в социально-экономическом развитии человеческого общества; давать соответствующие рекомендации для оптимального управления жизнью человеческих общностей, государств, различных геополитических образований и т. д.

Для понимания современного места экономической истории в системе экономических наук и определения необходимости ее совершенствования и развития необходимо определить задачи, которые стоят перед на-

укой. В начале XX в. экономическая история, после несомненного подъема в рамках немецкой школы (Рошер, Лист, Дройзен и др.), оказалась в довольно глубоком кризисе, обусловленном кризисом общей истории и ее позитивистской направленности.

Позитивизм как метод зашел в тупик. Простое соби́рание фактов для их расстановки в заданном порядке сужало рамки научного исследования, сводя его к констатации исторических событий. Позитивизм уклонялся от объяснения фактов и установления причинно-следственных связей между ними, довольствуясь лишь политической составляющей истории.

Прогресс экономической истории возобновился с появлением французской школы «Анналов» в лице М. Блока, позднее Жака Ле Гоффа и особенно Фернана Броделя. Ее методология позволила наполнить историческую фактологию новым смыслом, определить движущие силы эволюции человеческого социума, рассмотреть многие исторические события через призму развития экономических категорий, таких как прибавочный продукт, экономический интерес, прибыль, всеобщий эквивалент и т. д. «Историческая книга должна пробуждать жажду. Жажда познаний и поисков» [10, с. 10]. В этом видели свое предназначение данные ученые, именно они предложили учитывать многочисленные экономические и географические факторы в историческом анализе. Это сразу же сдвинуло экономическую историю с той точки методологического зastoя, в котором она оказалась практически со времен немецкой исторической школы, что было отмечено, например, Фернаном Броделем: «...экономические реальности ...плохо укладываются, а то и вовсе не укладываются в традиционные классические схемы – ни в схему Вебера-Зомбарта (1902) ... ни в ту, которую создал в 1928 г. Иосиф Кулишер» [11, с. XXXI]

Необходимо отметить, что экономическая история это не дополнение к общей истории. То, что важно для общего истори-

ка, может не иметь никакого значения для историка экономики, но редко наоборот. Так, например, не все великие империи, государства, народы и нации внесли существенный и определяющий вклад в тренд экономической эволюции. Одни следовали за лидерами своих исторических эпох, периодов и даже коротких временных отрезков. Примером является то, что большинство стран социалистического лагеря ориентировалось на СССР, и в той или иной степени копировали советскую экономику, но после его распада кардинально поменяли свои экономические системы. Ряд других стран, изучая зарубежный опыт, или механически копировали экономическую жизнь наиболее развитых стран мира, или пытались приблизиться к ней через политику модернизации национальной экономики. Удачным примером подобной политики является Япония периода «мэйдзи исин» [12, с. 54–56]. Большинство же территорий земного шара вообще оставалось вне глобального тренда экономической эволюции развитых стран, из-за чего попадали и продолжают попадать в экономическую зависимость от них.

В соответствии с *историко-институциональным подходом* к изучению экономической истории, на каждом из ее временных отрезков выделяются «государства (геополитические пространства и территории) – локомотивы». Их отличительная особенность – существенное влияние на окружающий их мир путем «передачи экономических технологий», где они играют роль центров распространения экономических институтов (деньги, кредит, аренда, рабовладение, крепостное право, фирма и т. д.). Такими «локомотивами-лидерами» на соответствующих отрезках истории были Древний Египет и Вавилония, Древний Рим, средневековая Франция, Англия Нового времени и США в новейшую историю. Это не означает, что у других стран не было своей экономической истории. Это означает лишь, что экономические институты, созданные и развитые в странах-лидерах,

в конечном итоге оказались востребованы абсолютным большинством экономических субъектов в мире. Именно поэтому в настоящем периоде развития экономической истории этим странам и территориям уделяется повышенное внимание.

В целях осуществления объективного историко-экономического анализа, не связанного с идеологическими, политическими, культурологическими и иными подобного рода задачами мы можем предложить специфический анализ, основанный на принципе выделения «*институционально-экономической монокультуры*». Под *институционально-экономической монокультурой* понимается некий экономический институт, отрасль производства, экономический процесс, который определяющим образом влияет на формирование господствующей социально-экономической системы, например, текстильная промышленность на развитие капитализма. То есть акцент в современных историко-экономических исследованиях должен ставиться на соответствующих экономических институтах, присутствующих на протяжении всей экономической истории и оказывающих определяющее воздействие на формирование соответствующих экономических систем.

Таким образом, вектор экономической истории раскрывается через диалектику взаимосвязей социально-экономических институтов с соответствующими им социально-экономическими системами, возникающими при накоплении ими «критической массы» и впоследствии распространяемыми на весь окружающий мир.

Существует и общая для всей историко-экономической науки задача формирования специалиста-экономиста, занимающего в системе управления народным хозяйством любого уровня позицию *эксперта*, который в состоянии дать объяснения принимаемому решению о том:

- каковы в прошлом были технические варианты решения этой проблемы, и чем они закончились;

- каковы наиболее оптимальные пути решения проблемы в настоящий момент с учетом окружающей обстановки и исторических событий, в течение которых также принимались подобные решения;
- каковы кратко-, средне- и долгосрочные перспективы от принятия того или иного решения.

Специалист с выработанным в процессе обучения историко-экономическим типом мышления, безусловно, окажется наиболее приспособленным для решения подобных задач.

Итак, важнейшей задачей современной историко-экономической науки является систематизация фактологии экономической эволюции, выявление и формулировка общих закономерностей движущих сил экономической деятельности человеческого общества и выдвигание на этой базе гипотезы его развития. Также при должном отношении к экономической истории все-таки возможно минимизировать количество ошибок в практической деятельности, связанной с проведением экономической политики на разных уровнях народного хозяйства.

Слова о том, что история учит лишь тому, что человек ничему не учится из истории, должны быть критически пересмотрены, прежде всего, теми, кто проводит экономическую политику в любой стране, особенно в той, которая находится в переходном периоде своего экономического развития. Экономическая история может и должна играть свою существенную роль в экспертизе наиболее значимых экономических проектов и определении перспектив экономического развития человеческого общества.

Анализ проблем, стоящих перед современной историко-экономической наукой, позволяет сделать вывод о том, что дальнейшее развитие истории экономической мысли и экономической истории является важной и актуальной задачей, стоящей как перед отечественными, так и зарубежными исследователями. От успешности ее решения зависит не только улучшение преподавания экономической теории, но как развитие самой фундаментальной науки, так и практика ведения эффективной хозяйственной деятельности в различных областях экономики.

Перспективным направлением развития и совершенствования историко-экономической науки должен стать комплексный *историко-институциональный анализ*, который позволяет вести исследования наиболее объективным образом, абстрагируясь от сиюминутных, не всегда полезных идеологических и политических задач.

История экономической мысли и экономической история в настоящий момент во многом существуют обособленно друг от друга. Важной задачей современного исследователя должна стать задача *синтеза* полученных обеими науками результатов, определение причинно-следственных связей возникновения той или иной экономической теории применительно к конкретно-историческим событиям реальной экономической действительности; понимание практической ценности и применимости к реалиям экономического бытия любой теоретической конструкции. Только в этом случае историко-экономическая наука сможет в полной мере реализовать себя в системе современного экономического знания.

Список использованных источников

1. История экономических учений / под ред. Рындиной М.Н., Василевского Е.Г. и др. М., 1983.
2. Афанасьев Вл. Этапы развития буржуазной политической экономии. М., 1971.
3. Афанасьев В.С. Вступительная статья к кн. «Современная экономическая мысль» / под ред. С. Вайнтрауба. М., 1981.
4. Кризис современной буржуазной политэкономии / под ред. А.Г. Милейковского, Ш. Геретика и И.М. Осадчей. М., 1980.
5. Всемирная история экономической мысли / под ред. В.Н. Черковца и др. Т. 1. М., 1987.
6. Шишкин М.В. Мировоззренческие основы экономической науки: прошлое, настоящее и будущее // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2006. Сер. 5. Вып. 2.
7. Шишкин М.В. Методология экономического анализа и верификация теории: основные тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2007. Серия 5. Вып. 2.
8. Милль Дж. С. Система логики. М., 1914.
9. Кейнс Дж. Альфред Маршалл, 1842–1924 // Маршалл А. Принципы экономической науки. М., 1993. Т. I.
10. Блок М. Феодалное общество. М., 2003.
11. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. I. М., 2007.
12. Дружинин Н.Л., Мисько О.Н. Модернизация национальной экономики: исторический опыт Франции и Японии // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2011. Серия 5. Вып. 3.